

3
 Рожкова Г. И.
 Очерки практической грамматики русского языка. — М., 1978;

4
 Костомаров В. Г., Митрофанова О. Д.
 Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам. — М., 1978;

5
 Бабахан Ю. С.
 Форма введения учебного материала при обучении устной иностранной речи. — Вопросы психологии, 1966, № 2;

6
 Остапенко В. И.
 Обучение русской грамматике иностранцев на начальном этапе. — М., 1978;

7
 Городилова Г. Г.
 Обучение речи и технические средства. — М., 1979;

8
 Фриз К. Ч.
 Преподавание английского языка как иностранного. — В кн.: Методика преподавания иностранных языков за рубежом. М., 1967;

9
 Вятюннев М. И.
 Систематизация как один из приемов и способов усвоения русского языка. — В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы: Роль преподавателя в процессе обучения: Доклады советской делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ. М., 1979;

10
 Кацнельсон С. Д.
 Типология языка и речевого мышления. — Л., 1972;

11
 Коржинек Й. М.
 К вопросу о языке и речи. — В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967;

12
 Беляев Б. В.
 Очерки по психологии обучения иностранным языкам, изд. 2-е. М., 1965;

13
 Jakobson R.
 Russian Conjugation. — New-York, 1948;

14
 Рожкова Г. И.
 К лингвистическим основам методики препода-

вания русского языка иностранцам. — М., 1977;

15
 Pirogova L. G., Makarova S. I.
 Conjugation of Russian Verbs (Reference book for foreigners). — Moscow, 1966;

16
 Иевлева З. Н.
 Проблемы преподавания грамматики русского языка как иностранного на основе коммуниктивно-деятельностного подхода. — Русский язык за рубежом, 1980, № 4;

17
 Демьяненко М. Я.
 Основы общей методики обучения иностранным языкам: Теоретический курс/М. Я. Демьяненко, К. А. Лазаренко, С. В. Кислая. — Киев, 1976;

18
 Митрофанова О. Д.
 Язык специальности — внеязыковая компетенция учащихся — роль преподавателя. — В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы: Роль преподавателя в процессе обучения; Доклады советской делегации на IV конгрессе МАПРЯЛ. М., 1979.

Лингвистика

Профессор
 Московского
 государственного
 университета
 им.
 М. В. Ломоносова
 докт. филол. наук

В. А. Белошапкова

О понятии синтаксической производности

Давно замечено, что между словообразованием и синтаксисом есть связь. Эта связь проявляется, с одной стороны, в том, что существует определенный (достаточно обширный) круг языковых фактов, природа которых обнаруживает совместное действие словообразовательных и синтаксических механизмов (например, влияние словообразовательной структуры слова на его синтаксическую сочетаемость, проявляющееся в сочетаниях типа *оттолкнуть от берега, подтолкнуть к берегу*), а с другой — в том, что есть общность в самом устройстве словообразовательного и синтаксического уровней системы языка. Существует давняя устойчивая традиция изучения связи между словообразованием и синтаксисом в первом аспекте (см. об этом, в частности, в следующих работах [1—4]). Второй аспект связи между словообразованием и синтаксисом, о котором и пойдет далее речь в данной статье, изучался гораздо менее обстоятельно.

Главным достижением в этом направлении, по-видимому, следует считать положение о применимости к синтаксическому уровню понятия деривации как производности одной синтаксической конструкции от другой; это положение породило особую область синтаксической науки — деривационный синтаксис¹.

Несмотря на то, что многие наблюдения и мысли, на которых базируется деривационный синтаксис, известны с давних времен², эта область синтаксической науки молода, и

¹ Первые опыты применения идей деривационного синтаксиса в отечественной лингвистике отражены в следующих работах [5—8].

² Это хорошо показано в книге [9].

дискуссионное в ней значительно преобладает над общепринятым или самоочевидным. В современной отечественной науке деривационный синтаксис представлен несколькими существенно различающимися концепциями. Однако во всех концепциях деривационного синтаксиса присутствует центральная идея этого направления — положение о том, что образцы синтаксических единиц, в частности предложений, системно связаны между собой отношениями, аналогичными отношениям между производящей и производной основами, а следовательно, подобно тому как «набор производных одного и того же слова образует его словообразовательную (деривационную) парадигму» [10, с. 72], так и набор системно связанных синтаксических образцов предложений образует деривационную парадигму предложения (см. об этом [11]).

Центральная идея деривационного синтаксиса обладает большой объяснительной силой. Во-первых, она позволяет выявить и экономно описать системные соотношения между разными синтаксическими конструкциями, что соответствует утвердившемуся в современной лингвистике принципу системности описания, который не позволяет удовлетворяться констатацией фактов языка как разрозненных явлений, а требует полного выяснения соотношений между ними. Во-вторых, она позволяет обнаружить общие закономерности во внутренней организации словообразования и синтаксиса, а тем самым дать более глубокое и адекватное описание языка, дальше и последовательнее применив принцип системности.

Необходимость выявления и описания соотношений между разными синтаксическими конструкциями в том или другом виде предполагается всеми современными синтаксическими концепциями (сравните учение о регулярных реализациях Н. Ю. Шведовой [12—15], понятие «поля предложения» у Г. А. Золотовой [16], модификации и трансформации предложения в чехословацкой «Русской грамматике» [17]). Своеобразие деривационного синтаксиса в том, что системные соотношения между синтаксическими конструкциями ставятся в параллель с отношениями словообразовательной производности.

Рассмотрим существо ключевого понятия деривационного синтаксиса — понятие синтаксической производности.

Подобно словообразовательной производности (или собственно производности), синтаксическая производность имеет три характеристики:

1. Синтаксическая производность — это такое системное парадигматическое соотношение между синтаксическими конструкциями (образцами предложений), которое предпола-

гает наличие исходного члена парадигмы, семантически и формально элементарного, и вторичных, производных членов парадигмы³. Так, подобно тому, как в словообразовательной парадигме *желтый, желтоватый, желтизна, желток, желте́ть* исходным членом является первое слово как формально и семантически наиболее простое, в ряду очевидно соотносенных между собою предложений (1) *Дети учатся*; (2) *Дети начали учиться*; (3) *Дети должны учиться*; (4) *Детям учиться* исходным является первое предложение, семантически и формально элементарное.

2. Каждый вторичный, производный член парадигмы отличается от исходного определенным элементом смысла, который выражается с помощью специального формального средства. Так, второе предложение в приведенном выше ряду отличается от исходного фазисным смыслом, который выражается введением в предложение фазисного глагола *начать* в спрягаемой форме и постановкой глагола *учиться*, передающего основное содержание предиката, в форме инфинитива; третье же и четвертое предложения отличаются от исходного модальными смыслами, которые выражены в них разными способами: в третьем предложении введением словоформы *должны*, сопровождающимся постановкой основного глагола в форме инфинитива, а в четвертом более сложным и национально специфическим образом — тем, что основной глагол получает форму инфинитива, а имя субъекта действия — форму дательного падежа.

3. Синтаксическая производность имеет степени, различающиеся характером семантической и формальной сложности: дериваты первой степени несут в себе один слой семантической и формальной сложности, а дериваты второй и последующих степеней — два и более разных слоев. Так, все производные конструкции, представленные в приведенном выше ряду предложений, — дериваты первой степени, а предложения (5) *Дети должны начать учиться*; (6) *Детям начинать учиться* — дериваты второй степени; они несут в себе два усложняющих основное содержание предложения слоя значений: модальное и фазисное; сравните дериваты второй степени от слова *желтый* — *пожелте́ть, желтоватенький, желточек*, каждый из которых несет по два словообразовательных значения: неполноты признака и субъективной оценки (*желтоватенький*),

³ Наличие исходного члена как принципиально отличного от других членов парадигмы составляет особенность именно деривационной парадигмы; в именительной парадигме исходный член (например, инфинитив в глагольной парадигме или именительный падеж в именной) выделяется условно, по соглашению.

предметности и субъективной оценки (*желточек*), становления признака и достижения результата (*пожелтеть*).

Смыслы, сопровождающие собственно производность и проявляющиеся в деривационной парадигме слова, и смыслы, сопровождающие синтаксическую производность и проявляющиеся в деривационной парадигме предложения, совершенно различны по своему содержанию, однако у них есть нечто общее, это общее — их дополнительность, модифицирующий характер, то, что они накладываются на содержание исходного члена парадигмы, составляющее ее семантический инвариант⁴, тем или иным образом видоизменяя его.

Понимание смыслов, вносимых синтаксической деривацией, как дополнительных, модифицирующих составляет общее положение деривационного синтаксиса, однако представления об объеме и конкретном составе списка добавочных смыслов в разных концепциях деривационного синтаксиса разные, а это ведет за собой различие в понимании границ синтаксической деривации.

Все дальнейшие рассуждения основаны на следующем представлении о характере добавочных смыслов при синтаксической производности. Добавочный смысл, содержащийся в производной синтаксической конструкции и отличающийся ее от исходной, характеризуется двумя свойствами: 1) он не представляет собой пропозиции, т. е. не вводит в предложение обозначения второй ситуации с ее участниками; 2) он не сводится к развертыванию обозначения ситуации посредством добавления деталей.

Добавочные смыслы производных синтаксических конструкций могут быть трех типов: 1) оценка отображаемой ситуации говорящим или другим мыслящим субъектом (модальные и другие модусные смыслы); 2) характеристика осуществления ситуации (характеризационные смыслы: отрицание, обозначение фаз развертывания ситуации); 3) обозначение ракурса, в котором ситуация изображается (интерпретационные смыслы). Примеры дериватов, имеющих модусные и характеризационные смыслы, приведены выше: модусное (а именно модальное) значение имеют третье и четвертое предложения, характеризационное (а именно фазисное) значение представлено во втором предложении; в пятом и шестом предложениях — дериватах второй степени — эти два значения сосуществуют. Приведем пример деривата, который отличается от исходного члена парадигмы интерпретационным смыслом: *Вот школы. Здесь учатся*. Вто-

рое предложение в этом тексте обозначает ту же ситуацию, которая названа исходным предложением *Дети учатся*, но обозначает ее в ином ракурсе, иначе увиденной, а именно в отвлечении от производителя действия, о котором идет речь: картина ситуации изображена так, что производитель действия (тот, кто учится) оставлен «за кадром», хотя предложением передается то, что он есть, и то, что он — человек. Этот элемент содержания предложения и есть интерпретационный смысл (в данном случае специфическое значение русских предложений, построенных по структурной схеме $V_{зр}I$ и в соответствии с давней традицией называемых неопределенно-личными); именно этот смысл отличает предложение — дериват от исходной конструкции и формально выражается тем, что из предложения выводится позиция именительного падежа существительного, глагол получает форму 3-го лица множественного числа, а факультативная позиция локального определителя становится обязательной; без локального определителя такие предложения в одних текстах вообще невозможны, как, например, в приведенном выше, а в других неясны по своему грамматическому статусу: неполное двусоставное (образованное по структурной схеме N_1V_f) или односоставное неопределенно-личное.

Изложенное понимание синтаксической производности предполагает, что синтаксическая деривация — не единственный тип системных соотношений между синтаксическими конструкциями, наряду с ней существуют и другие типы. Не ставя задачей исчислить их полностью, укажем такие, которые отличаются от синтаксической деривации по линии какой-то одной из названных выше характеристик синтаксической производности.

С одной стороны, от синтаксической деривации отличается формальное варьирование — видоизменение структурной схемы предложения, не сопровождающееся семантическим сдвигом, обязательно имеющим место при синтаксической деривации. Таковы:

1) «связочная» формальная модификация структурных схем $N_1\text{Cop}N_1$, $\text{Inf}\text{ Cop}\text{ Inf}$, $\text{Inf}\text{ Cop}\text{ N}_1$, состоящая во введении в предложение связочных частиц *это*, *вот*, *значит*, *есть* и под. *Характер — это судьба; Изучать значит овладевать; Содействовать — вот моя специальность*;

2) бесподлежащая определенно-личная формальная модификация, которая состоит в незаполненности позиций именительного падежа в двухкомпонентных номинативных структурных схемах при формах 1—2-го лица у спрягаемой формы глагола или связки: *Не жалею, не зову, не плачу* (С. Есенин); *Будьте счастливы*.

⁴ О семантическом инварианте деривационной парадигмы предложения см. [10, с. 47].

Формальное варьирование сопровождается лишь экспрессивно-стилистическими эффектами; добавочных модифицирующих смыслов в изложенном выше их понимании (модусных, характеризующих или интерпретационных) оно не несет⁵.

С другой стороны, от отношений синтаксической деривации есть основания отделять такие соотношения между конструкциями, при которых смысл, отличающий более богатую содержанием и более сложную по форме конструкцию, гораздо более весом, чем добавочные модификационные смыслы, сопровождающие синтаксическую деривацию; он состоит во введении в предложение обозначения еще одной ситуации. Семантическую сущность предложений с таким сложным содержанием можно понять как результат «склеивания» пропозиций.

Синтаксические конструкции, которые выражают «склеенные» пропозиции, многочисленны и разнообразны. Один из их типов составляют предложения — каузативы. Эти предложения обозначают две ситуации, у которых есть общий участник, он пассивен в одной ситуации и активен в другой; сравните (1) *Дети учатся* — (7) *Родители заставляют детей учиться*. В первом предложении обозначена одна ситуация (учения), имеющая одного участника — производителя действия (дети); во втором обозначены две ситуации: ситуация каузатива (а именно принуждения), имеющая двух участников — активного (родители) и пассивного (дети), и ситуация учения, в которой дети — активное начало. То, что в содержании каузативных конструкций заключены обозначения двух ситуаций, наглядно выражено в тех случаях, когда конструкция имеет форму сложного предложения: (8) *Родители требуют от детей, чтобы они учились*. Такой семантический сдвиг качественно отличен от появления добавочных модификационных смыслов, имеющих место при синтаксической деривации. Синтаксические дериваты монопропозитивны по определению: их объединяет между собой и с исходной конструкцией то, что они передают одну и ту же пропозицию и одну и ту же отражаемую ею ситуацию [11, с. 46—47].

От синтаксической деривации отличается также распространение предложения некон-

ститутивными членами, передающими отдельные детали изображаемой ситуации. Предложения (9) *Дети играют* и (10) *Во дворе соседские дети азартно играют в горелки* обозначают одну и ту же ситуацию; различие между ними в степени развернутости этого обозначения. В предложении (9) ситуация изображена с минимальной степенью развернутости, здесь переданы только обязательные ее характеристики: назван участник ситуации (дети) и обозначено самое ее существо (занятость игрой). В предложении (10) та же ситуация игры детей изображена более развернуто, к ее характеристике прибавлено несколько деталей: указание на место (во дворе), конкретизирующее определение участника (соседские дети), определение вида игры (в горелки).

Различие в степени развернутости обозначения ситуации существенно, но оно совсем иной природы, чем различия между исходным предложением и предложением-дериватом в свете изложенного выше понимания синтаксической производности.

Изложенное представление о синтаксической производности наиболее целесообразно и практически полезно при ориентированном описании русского языка для целей преподавания его нерусским. Оно позволяет из широкого круга системно соотношенных синтаксических конструкций выделить группу конструкций, семантическим инвариантом которой является обозначение одной и той же ситуации в минимально развернутом виде. Выделение именно этой группы важно для ориентированного описания русского языка, в синтаксической части которого центральное место должен занимать именно перечень образцов семантически элементарных предложений, дающих краткие, с минимальной степенью развернутости, обозначения разным типом ситуаций⁶.

При опоре на понятие синтаксической производности и связанное с ним понятие деривационной парадигмы предложения можно сделать этот перечень компактным и организовать описание образцов предложений так, чтобы в нем не только учитывались характеристические признаки того или иного образца, но и выявлялись его соотношения с другими образцами и, таким образом, определялось место каждого отдельного образца предложения в синтаксической системе.

⁵ Экспрессивно-стилистические возможности подлежащих определенно-личных формальных модификаций двухкомпонентных номинативных схем хорошо показаны В. В. Виноградовым [18, с. 361], см. об этом также [15, с. 19]. Функции же «связочных» формальных модификаций перечисленных выше схем и условия их появления не установлены с достаточной точностью. Их обстоятельное исследование — одна из частных, но актуальных задач описательного синтаксиса.

⁶ См. об этом [20].

ЛИТЕРАТУРА

- 1
Винокур Г. О.
Заметки по русскому словообразованию: Избранные работы по русскому языку. — М., 1959;
- 2
Василевская Е. А.
Словосложение в русском языке. — М., 1962;
- 3
Прокопович Н. Н.
Словосочетание в современном русском литературном языке. — М., 1966;
- 4
Гинзбург Е. Л.
Словообразование и синтаксис. — М., 1979;
- 5
Храковский В. С.
Деривационные отношения в синтаксисе. — В кн.: Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса. М., 1969;
- 6
Ломтев Т. П.
Парадигматика предложения на основе конвертируемости отношений. — В кн.: Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса. М., 1969;
- 7
Москальская О. Н.
Проблемы системного описания синтаксиса. — М., 1974;
- 8
Мурзин Л. Н.
Синтаксическая деривация. — Пермь, 1974;
- 9
Мурзин Л. Н.
Логическая и психологическая трактовка синтаксических процессов. (Русское языкознание конца XVIII — начала XX века). — Пермь, 1980;
- 10
Земская Е. П.
О парадигматических отношениях в словообразовании. — В кн.: Русский язык: Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978;
- 11
Белошапкина В. А., Шмелева Т. В.
Деривационная парадигма предложения. — Вестник Моск. ун-та, сер. 9, Филология, 1981, № 2;
- 12
Шведова Н. Ю.
Построение раздела «Синтаксис простого предложения». — В кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966;
- 13
Шведова Н. Ю.
О понятии «регулярная реализация структурной схемы предложения». — В кн.: Мысли о русском языке. М., 1969;
- 14
Грамматика современного русского литературного языка. — М., 1970;
- 15
Русская грамматика. — М., 1980;
- 16
Золотова Г. А.
Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М., 1973;
- 17
Русская грамматика. — Прага, 1979;
- 18
Виноградов В. В.
Русский язык. — М., 1972;
- 19
Арафат Эльсаед Эльсаиди
Регулярное употребление определено-личных предложений и соотносительных с ними соответствующих двусоставных. Автореф. канд. дис. М., 1968;
- 20
Белошапкина В. А.
О принципах описания русской синтаксической системы в целях преподавания русского языка нерусским. — Русский язык за рубежом, 1981, № 5.
- Зав. сектором
форм
и
содержания
обучения
студентов-
нефилологов
Института
русского языка
им. А. С. Пушкина
ст. научный
сотрудник
докт. филол. наук

О. А. Лаптева

Устная научная речь: изучение и обучение

Статья вторая

Коллективное исследование «Современная русская устная научная речь» включает описание функционирования в устной научной речи (далее — УНР) тех явлений синтаксиса, текста, лексики и лексико-грамматических разрядов слов и отчасти словообразования, которые имеют в ней свои особенности сравнительно с письменной научной и разговорной речью (вторая и третья части). В области синтаксиса такие особенности обнаруживают, главным образом, структурно-функциональные типы простого, сложносочиненного и сложноподчиненного предложения.

В разделе «Функционирование в УНР структурных схем простого предложения» (автор А. Ю. Константинова) исследуются структурно-семантические типы простого предложения, образующие макрополе динамики и макрополе статики. В них есть поля, в пределах которых выделяются в свою очередь микрополя. Так, макрополе динамики включает в себя поле действия, поле движения, микрополя конкретного действия, умственного действия, синкретического действия. Макрополе статики состоит из полей квалификации, наличия, отношения и модального отношения. Представленность названных типов в УНР различна. Малочисленно поле движения, очень многочисленно поле квалификации, которое представлено несколькими микрополями. Струк-